

Олег Павловский

ОБЕТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ

пока и дом молчит, и колокол пасхальный —
свернувшись спит весна, прикрытая не тем
снежком рождущим полет и колыханье,
а смрадным снегом, выбросами тел...

пока грядет весна и ливни —

над столицей,

над северной — сырые сгустки облаков —
испить тебе воды, удвоиться, тройтись —
тебе —

сквозь блеск витрин лобазов и лаьков

. . . . .

...я выдумал тебя, я думал — ты живая,
в сплетенье улиц ты, в преобладанье трасс —

за мертвой сетью стен — не мы! не проживали
и не любили,
и не помнят здесь о нас...

ты — география,
я выдумал тебе
название под стать
сознанию пейзажа
и остановки в нем... — такая ипостась
от собственной моей
судьбы невдалеке,
поблизости от брошенного пляжа

Я был твоим другом, я верил тебе,
рыдал, как мальчишка бросался с галерки
навстречу единственной в мире судьбе,
казалось...

щенок магистралей Нью-Йорка,

воспитанник сумерек,
терпкой слезы абсента —
бокала на главной террасе...

бывал молчалив или подобострастен —
я был твоим другом и верил тебе...

я был у тебя, география, ты
меня принимала не гостем — на равных,
ты помнишь? —
колодезный холод парадных
и собственной речи прямые черты...

есть в географии — наука побеждать,
достоинством оружия не бряцающая —
на перекрестье
страсть и благодать,
и острова, и лужицы,
и стая
прибрежных птиц...

— вот география! —

следы

как мокасины из лосиной кожи...

но где б не вымирал затерянный мирок —
повсюду тленье брошенных дорог,
остатки роскоши, любви и суеты...

в какой-то окровавленной стране
растоптан танками песок сухих предместий

мы примеряем сводки происшествий
на карту времени

безрадостные вести —
на каждый день,

на каждый свет в окне...

у меня на столе — пять томов или тем?
пять изблюбленных книг — вирнисаж мирозданья —
я их тысячу раз пролистал, пролетел,
я внимал им, учился читать с опозданьем

эту голубизну — не создание богов —
полиграфию, память...

— всего понемногу,
очертания тех и иных берегов,
ожиданье...

и всё же создание бога...

я любил твою выпуклость, глянецвый лист,
оглянись на меня, уходя от касаний,
от ладоней моих —

где небесная высь
распростерта,
а руки мои — повисают...

и, внимая тебе, ухожу от простуд,
от лекарств и чумы сульфамидного рая...

только пальцы мои сквозь лазурь прорастут,
только руки мои задрожат,
замирая...

мне говорил историк:

— Ты не прав!

машина зла, земля дается людям —
за это люди возвращают прах
земле

а не вагон металлолома...

Он говорил отдельно, без прилюдий,
слегка напоминая метроном...

— Спокон веков лелеем механизм!
от влаги, от износа прячем в ящик —

не потому, что он незаменим,
а потому, что он не настоящий —
искусный — но увы! — искусственный наш плод,
(плод гения иль жаждущего денег?),
он только производит, а дает
земля...

цивилизатор, чужеземец
всему находит оправданье тем,
что он творец, ваятель, вдохновитель...

Сгущался вечер.
Ветер шелестел.
Я вслушивался.
Медленно.
Как житель...

Я вижу танковые грядки
мир в перескопе, мир в прицеле
сквозь пелену разрыва — рядом
сквозь красоту рассвета — в целом

сквозь синеву телеэкрана
простреленный, непокоренный
клочок земли обетованной
лоскутик неба

отдаленно...

отдаю предпочтение темным тонам
корпусам плоскодонок, просмоленным днищам,
корабельному трюму, где, впрочем, не чище
чем в любой подворотне...

и ежели вам
повезет — доберетесь до самой воды
в подмостовье, приарочье, столбостоянье,
где по нынешний день в обиходе латынь

или...

и все равно непонятно журчанье,
нераздельно — ни члено—, ни как — темноты говоренье...

молчи! на любом языке!

на хрипение, всхлипе на, или на всплеске —
на Васильевском, на Моховой и на Невском,
на вершине молчания, на холодке,
на любой тарабарщине, на баккара
тихом звоне, на птиц от бензиновых пятен
сизо-синих,

на их языке

и понятен

невесомый язык

не мешающий нам —

говори!
